

Из глубин народных

115 лет назад, 1 февраля 1873 года, родился Федор Иванович Шалапин. Никто тогда и подумать не мог, что у простых вятских крестьян — Ивана Яковлевича и Авдотьи Михайловны Шалапиных появился сын, который через годы будет восхищать и покорять весь мир своим непревзойденным голосом, великим талантом артиста.

Сегодня вновь всплывают в памяти свидетельства многочисленных очевидцев и самого певца о его детских годах, об истоках опромного притяжения к песне. Вспоминая о том, что они с матушкой, певшей приятным простым деревенским голосом, «часто голосили... разные русские песни, подлаживая голоса», Федор Иванович говорил: «Шелось мне само собой, и все, что пело, меня привлекало и радовало».

Так где и от кого он воспринял эту первоначальную, радостную любовь к народной песне? У кого учился «подлаживать» свой голос к голосам других поющих? Конечно, у своей матери!

Сколько добрых чувств, душевного тепла оставила сыну невысокая сероглазая крестьянка Авдотья Михайловна родом из вятской деревушки Дудинской! До самых последних дней своей жизни Федор Иванович помнил и говорил о ней с благодарностью и жалостью. Полунищенская жизнь не в силах была сломить ее природной доброты и стойкости духа. В невзгодах житейских и ей, и Федору помогала песня.

За далью лет видится ветхий домишко в Суконной слободе, что на окраине Казани. Почти по окну врос в землю. Сюда переехали Шалапины по причине, что жилье здесь было дешевле.

Вечер. Пришли к Авдотье соседки, усаживаются за пряхли. А кто и просто так. Горит лучина. Ее неяркий свет колеблется, причудливо отражаясь на стенах избы и лицах прях.

Пятилетний Федя очень любит эти вечера. Он забирается на полату и смотрит оттуда на мать, как неторопливо, без суеты устравивается она среди своих подруг. Мальчик с нетерпением ждет, когда наконец все рассядутся и начнут петь... А песни все нет, только слышно жужжание веретен да слабое потрескивание горячей лучины.

И вдруг кто-то из женщин робко и очень негромко начинает:

Снежки белые пушистые
Покрывали все поля,
Одного лишь не покрыли,
Поле горя моего...

А вслед за этими словами безвестной певуны чистые женские голоса заполняют жалостью и грустью сумерки избушки:

На том поле есть кусточек,
Одинешенек стоит...

И различает мальчик среди голосов родной голос матери. Он рвется куда-то, словно стремится из этих стен в большое зимнее поле:

Пойду-выйду в чисто поле,
Сяду там на бугорон.
Посмотрю я в ту сторонку,
Где мой миленький живет...

Закончив эту песню, не сговариваясь, женщины принимаются петь другие — о девичьей тоске, о лучинушке. И словно жалуются кому-то неведомому, что не приходит милый дружок, что лучинушка неясно горит.

Федя во все глаза смотрит на поющих, слушает их так, как будто и не слышал никогда. Ах как поет его мама — милая домашняя песельница!

Посиделкам и песням конца нет. Мальчик уже начинает дремать, ощущая тепло нежной материнской руки. Она укрывает его теплее. А лучина, как и в песне, еле горит. Под грустные слова песен душа его тихонько о чем-то грезит, он словно мчится по полям среди белых пушистых снегов...

Шли годы, Федор вырос, а интерес к песне не пропадал. Он жадно впитывал в себя эти исконно русские песни, которые пели окружающие его люди — и сосед-кузнец, и мать, сидя за работой у открытого окна. Уж очень ему нравилось, что в два голоса поют — да так складно! — про Машу, которой не велят за реченьку ходить, добра молодца любить. Про ноченьку темную, осеннюю, которую не с кем коротать... Федор старался осторожно примкнуть к ним, потихоньку подпевал. Мать улыбалась, а кузнец, понимая, что боится мальчик спугать песенный лад, подбадривал, поощрял его.

И Федор Шалапин пел. Дочь его Ирина Федоровна, как никто другой зная о большой любви отца к безыскусной народной песне, вошедшей в душу и сердце певца в самые ранние детские годы, писала о том, что «Ноченьку», «Лучинушку», «Как по ельничку», «Эх ты, Ванька» и многие другие он пел удивительно задушевно, без аккомпанемента, как и раньше с Авдотьей Михайловной.

Эту задушевность, предельную простоту, «деловитость», по словам самого Шалапина и исследователей его творчества, он воспринял у матери и отца.

Большой талант Шалапина брал у народа лучшее. И, прочувствовав, пережив взятое многократно, певец возвращал его людям.

Стараниями работников управления культуры обласполкома «Шалапинские праздники» в нашей области становятся традиционными.

Б. САДЫРИН,
краевед.